

Макс Неттлау

**Нужды анархической
пропаганды в наши дни**

Когда, после стольких веков умственной спячки, началась настоящая работа над исследованием явлений природы, то постепенно было открыто много неизвестных рядов причин и следствий — так называемые законы природы. Эти законы действовали и раньше, но они были скрыты множеством внешних признаков и производных явлений. Открытие этих законов и их полное понимание стоят в ряду величайших достижений человеческого ума, которому содействовали лучшие методы изысканий и часто интуитивный гений исключительно одаренных людей. Жизнь в своем бесконечном разнообразии познана, таким образом, как результат противоречивых течений качеств, количеств, направлений и пропорций, в которых мы начали уже разбираться. Это — трудная задача, далекая от завершения и всеми тайнами которой едва ли когда-либо удастся овладеть полностью. Иногда нам удастся познать одну из этих сил и заставить ее действовать, согласно нашим желаниям и потребностям. Например, электрические токи в течение одного века были использованы для несметного множества целей. Однако, эта сила и еще многие другие действуют в живой и мертвой природе в целом ряде других направлений независимо от нас, и они поддаются только самому тщательному изучению или еще вовсе не могут быть изучены.

Эта параллель научает нас оценивать трудности познания в действительной жизни, общих тенденций, вроде «свободы» и «солидарности,» надлежащее приложение которых к личной и общественной жизни мы считаем желательным в качестве основных гарантий прогресса и счастья для всех. Никакая единичная формула не может вместить все способы этого приложения к бесконечному разнообразию элементов, составляющих человеческое общество, и наши интуитивные концепции здесь были примитивны, как были они примитивны на первых порах и в начале всякой другой области человеческого познания. Это позднее начало явилось результатом всемогущества власти на протяжении веков, ибо власть порождает и сейчас порождает эгоизм, а не солидарность. Более высокая степень совершенства может быть только результатом большой работы.

Никто не станет утверждать, что в той или иной области науки работа уже совершенно закончена. Разумеется, и развитие более совершенных форм анархических идей еще впереди, оно только начинается и никогда не прекратится.

Эти утверждения расходятся с заявлениями многих пропагандистов, что теоретическая часть нашей работы уже завершена и что остается личными или общественными усилиями накапливать те материальные силы, которые опрокинут все препятствия для осуществления сущности нашего учения. Конечно, такие силы следует накапливать и обучать их разумно сотрудничать. Но если их будет вдохновлять только воля к победе и желание навязать свою программу, то революция, превратившись в гражданскую войну, в существе своем не будет отличаться от обыкновенной войны, т.е. от войны с другой нацией, от желания беспощадно и безжалостно навязать ей свою волю после победы

над ней. Можно победить и выиграть, можно оказаться побежденным и потерять, но ничего этим путем доказать нельзя, ибо только имя победителя меняется или остается неизменным.

Творческою будет только та революция, которая устранил препятствия и откроет свободный путь для скрытых сил и возможностей, создаст и сохранит настоящую возможность свободы развития, путем соединения, путем движений всех форм и ритмов для каждого и для всех.

Но это еще далеко не все. Если бы свобода была таким образом возвращена всем, та одни знали бы, как ею пользоваться, а другие нет, или знали бы плохо. Поэтому важно умножить число первых, и в этом состоит теперь наша главная подготовительная работа. Она требует, чтобы не только воля, но и способность, искусство, опыт свободы развивались в современном и грядущем поколениях людей. Тогда они смогут бросить свою тяжесть на весы для превращения будущей революции из простой социальной войны в определенные действия для освобождения человечества.

До сих пор этого не сознавали в достаточной степени. Мы были слишком уверены, что обладаем конечными истинами, требующими только приложения путем добровольным или насильственным. Такие поверхностные идеи были поощрением для многих во время великой оторванности нашей, в самом начале нашего движения, когда твердость убеждений, сходная с религиозной верой, была необходима для проповеди популярных идей перед лицом беспредельной враждебности тех, чье монопольное владение не только собственностью, но и властью остается непоколебленным. Но такая вера, будучи крепкой поддержкой в начале, становится препятствием, как только она начинает устанавливать неизменные догмы. Мы хотим, чтобы наши идеи двигались и развивались вместе с расширением области науки, и мы не должны требовать, чтобы они были неизменными и постоянными, как символы веры. Религия — окаменевшая наука, это идея о Вселенной, выработанная мыслителями раннего, может быть, доисторического времени, и с тех пор всегда объявлявшаяся святою и неизменною. Марксизм ортодокса — окаменевший социализм сороковых годов прошлого века. Никто из наших анархических мыслителей — разве лишь в тех случаях, когда человеческая слабость омрачала их суждение — не претендовал на большее, чем изложение их личных взглядов в меру их разумения, на выражение того, что соответствовало времени, окружающей среде и ходу событий данного времени. Более глубокий анализ показал бы, в каких пределах их взгляды определялись их личным предрасположением и историей.

Эти идеи, различные в силу различия их творцов, были тщательно сохранены и дополнены их последователями, объединены, сосредоточены, обобщены для практических целей, — пропаганды, программной и организационной работы и пр. — и таким путем эти идеи приняли вид ясных, точных и, по-видимому, окончательных идей. Для новых приверженцев эти идеи стали как бы

итогами и окончательными выводами, евангельскими истинами, тогда как в действительности их чисто личное происхождение было и осталось неустрашимым. Идеи Джошуа Уоррена и Прудона, Бакунина и Кропоткина, усвоенные многочисленными учениками и приверженцами и поверхностно переделанные в современные идеи индивидуализма, мютуализма, коллективизма и коммунистического анархизма, тем не менее, остались лишь тем, что Уоррен в 1830, Прудон в 1840, Бакунин в шестидесятых, а Кропоткин в восьмидесятых годах считали наилучшей анархической системой, согласно их личному и, без сомнения, очень большому опыту. Совершенно также Дарвин истолковывал природу, Бетховен сочинял музыку, Рембрандт писал картины, каждый в свое время и в согласии с его духом и с особенностями своего гения.

Тот, кто изучает теперь природу, или пишет картины, или творит музыку, делает это на гораздо более широкой основе, чем в свое время делали Бетховен, Рембрандт или Дарвин, и они видят перед собой еще более широкие возможности достижений в области звуковой и зрительной гармонии и пр. Область искусства не ограничивается для них достижениями Бетховена и Рембрандта. Так и для анархизма было бы логично и жизненно стать широким полем свободного исследования и размышления над его главной задачей: осуществлением человеческого счастья через свободу и солидарность, — а не только быть верным отражением в современной жизни того, что творцы главных направлений анархизма считали наилучшим, примерно, сто, девяносто, семьдесят, пятьдесят лет тому назад. Наука так не поступает, она не основана на фракциях и не делится на фракции согласно тому, что те или иные выдающиеся ученые проповедовали 100, 90, 70 или 50 лет назад. Наоборот, она основывается на том, что является результатом коллективных исследований в той или иной отрасли науки, а этот достигнутый результат может измениться каждый час, как только новые результаты достигнуты, проверены и становятся известными.

На этот уровень мы должны поднять анархизм, если хотим, чтобы он занял свое настоящее место в советах мира, место, которое принадлежит ему в силу его стремлений и которое он заслужил своею преданностью делу и ценою столь многих жертв, но которого он не может занять, если не станет действительно живым и прогрессивным организмом и фактором, если он не перестанет быть только утверждением личных взглядов наиболее выдающихся своих мыслителей.

Ясно ли, что я хочу сказать? Как естественные науки шире, чем какие бы то ни было отдельные выводы Дарвина, а музыка шире, чем лучшие произведения Бетховена, так и анархизм шире, чем лучшие изложения его Бакуниным или Кропоткиным. Подобно соответствующим произведениям Прудона, Реклю и других, произведения Бакунина и Кропоткина являются лучшими произведениями анархической мысли, и мы должны их изучать и знать, но анархизм содержит в себе много больше сказанного ими. Мы должны деятельно и еже-

дневно работать над анархизмом и для него, как ученые работают в своих областях каждый час и в каждой точке земного шара. Мы не должны довольствоваться только пропагандой анархизма в пределах созданных другими идей, а обязаны создать огромную лабораторию живого анархизма, подобную мировому сотрудничеству ученых.

Когда мы будем в состоянии сказать гораздо более ценное, проверенное на опыте, непосредственно приложимое, чем то, что у нас есть сейчас, то ценность наших советов завоюет нам внимание человечества. Только тогда наше великое дело начнет подвигаться вперед быстрыми шагами.

На мою долю выпало видеть очень много анархических произведений в разных странах на разных языках, разных времен, детально познакомиться с историей анархизма и присмотреться к анархической пропаганде в разных странах. Удивляясь настойчивости и преданности многих товарищей, я в то же время поражался их нежеланию предпринять решительные шаги для перехода от догмы к науке. Это нежелание сказывается в большинстве анархических произведений. Быть научными означало бы, по мнению многих, быть практичными, а это было бы унижением, разложением, падением, и это не должно случиться. Так избегают соприкосновения с реальностью, как загрязняющей и развращающей, так устраняется бесценная возможность использования опыта.

Однако, опыты ведут часто лишь к призрачным успехам, терпя неудачу одиннадцать раз и удаваясь только в двенадцатый раз. Твердое решение добиться успеха, хотя бы ценою многих неудач, в нашей среде отсутствует, не в силу недостатка энергии, а в силу принципа: — пренебрежительного отношения к соприкосновению с действительностью. Мы, таким образом, ограничиваем круг нашего влияния одними нашими приверженцами, энтузиастами, иногда даже любителями парадокса. Мы ничем не привлекаем тех, кто готов прочно примкнуть только к тому, что можно видеть, кого убеждают только опыт и факты, а не утверждения, логические построения, эмоциональное негодование и возмущение. Чтобы быть живым фактором, идея должна привлекать сторонников, людей всех видов интеллектуальной и эмоциональной энергии, как бы ни было мало их общее число: сплотившись, они постепенно проведут свою точку зрения. Односторонний же состав такой группы обычно изолирует ее и заставляет ее отставать.

Таковы, по моему мнению, причины, заставляющие анархистов стоять на заднем плане во время нынешнего мирового кризиса, ставшего хроническим. Мы должны дать страждущему человечеству нечто большее, чем простую критику и холодное: «мы вам говорили . . .» Совершенно верно, что постоянное пренебрежение к тем предупреждениям, с которыми анархисты выступали в течение целого века против власти, развязало власти руки и дало ей возможность отнять у народа ту свободу, которую сто лет назад, в 1830 г., либерально-революционные движения тех лет, казалось, обеспечили навсегда. Верно и то,

что все предостережения, от Прудона до Бакунина и Кропоткина, оставлялись без внимания авторитарными социалистами и что социал-демократия и большевизм в их теперешней форме представляют собой как раз то, против чего названные писатели и другие товарищи предостерегали, как против вырождения. Но ошибки обоих—власти и заблудившегося социализма — причинили неисчислимый вред человечеству в целом и социализму в целом, а такие бедствия требуют активной помощи страждущим, сотрудничества с ними в эти годы их испытаний, — а не только партийной критики с нашей стороны. Если мы не войдем в более близкое соприкосновение с человечеством в эти годы бедствий, мы станем ненужными тогда, когда человечество достигнет относительной силы и благосостояния хотя бы под властью угнетателей, старых и новых.

Мы не любим опускаться до подробностей, считая их неважными или реформистскими. Но жизнь состоит из подробностей, из бесчисленных мелких действий, и все они должны так же тщательно совершаться, как и крупные решающие действия. Всякий настоящий социализм должен быть возможно полным, и если люди не подготовлены к потребности в таком социализме и к жажде в нем, они будут протестовать против него резкими мелкими выступлениями и парализуют или одолеют его. Результатом явился бы насильственно навязанный государственный социализм чисто экономического типа и враждебность большинства народа — социализма без социалистов или с социалистами в позорной роли современных большевиков, насильно загоняющих враждебно настроенное население в большевицкий социализм. Анархизм же, который может жить лишь там, где есть налицо достаточное согласие и добрая воля, где народ действительно добровольно идет к нему, должен подготовить народ к пониманию всех своих особенностей, а потому должен входить в подробности. Он не может добиться согласия или хотя бы только дружественной терпимости со стороны населения силою общих формул, непереваримых для непосвященного совершенно по тем же причинам, по которым хлеб и молоко, приготовленные в химической лаборатории, оказались бы непереваримыми для желудка, привыкшего к простому хлебу и молоку.

Анархизм не пострадает от того, что станет доступным простому уму, а только научится новому, приобретет опыт, найдет сочувствующих и постепенно приобретет более широкую основу, состоящую, быть может, не из воинствующих пропагандистов и бунтарей, а из спокойных сочувственников, являющихся весьма необходимой категорией, нужной всем передовым группам и дающей им, если не активную помощь, то, по крайней мере, прикрытие и защиту от жестоких врагов. Сравнительная степень есть во всем: в силе чувства, в остроте ума, в степени готовности к жертве. Каждая передовая партия нуждается в дружественно настроенных соседях и поступает глупо, если ссорится с теми, кто отделен от нее только степенями.

Если данная подробность действительно важна и если ее рассматривают в ду-

хе широких воззрений, без мелочной узости, то она становится существенным фактором, но не только она, а также разнообразные приемы и тактические действия пропагандистов. Такое разнообразие является здесь, как и повсюду, необходимым, и оно должно быть противопоставлено централизации и однородности. С уважением относясь в теории и в наших мыслях ко всякому местному разнообразию и самостоятельности, мы все же ведем пропаганду наших анархических идей в более или менее однообразной форме повсюду, а в этом заключается противоречие. Сущность наших идей, беспрепятственное развитие (свобода) и превосходство соединенных усилий (солидарность) — универсальны, но в силу именно этого их характера, каждое их приложение должно быть особым, индивидуально или коллективно-личным, различными, как различны между собой все произведения природы.

Может показаться, что очень трудно излагать идеи так, как здесь намечено. Однако, шаги в этом направлении должны быть предприняты. Ибо излагать их в том виде, в каком они содержатся в массе разных брошюр, программ, «платформ,» делать это повсюду и при всех условиях, чересчур легкая, почти механическая задача, и мы не можем ожидать, чтобы вековые авторитарные и эгоистические взгляды уступили свое место этим новым, не испытанным на опыте утверждениям. Таким путем пропаганда затрагивает только небольшое число предрасположенных лиц, прирожденных бунтарей, свободных от себялюбия людей, чуткие и легко возбудимые натуры, часто людей большой моральной ценности, но за пределами этих групп мужчин и женщин, которые как будто ждали нашего прихода и из чьих рядов мы сами вышли, за пределами этих групп истинных борцов, мы почти не проникаем в густые ряды воспитанного на авторитете и эгоизме человечества. Таков факт. Поэтому я думаю, что более умелое и рассчитанное изложение наших идей является чрезвычайно необходимым вторым шагом, после того, как в течение целого века мы занимались только непосредственно доступными нам элементами, как показано выше. Позднее другие шаги должны последовать, и кто может предвидеть завершение этой задачи?

Что было сделано для анархизма до сего времени? Помимо многих авторитарных социалистов, в своих утопиях и системах просто стремившихся как-нибудь навязать свои идеи всему человечеству, было несколько социалистов, вообразивших, что они могут предвидеть грядущее развитие и что человечество фатально, автоматически пойдет предсказанным ими путем. Потом они решили, что их предсказания оправдались и пожелали сами вести по этому пути. Таков был изменчивый марксизм, то идущий вперед с верой, что ветры эволюции надувают его паруса и гонят его судно в нужную пристань, то берущий эволюцию в свои собственные руки и драконовскими мерами навязывающий ей свои собственные методы, то прибегающий к опытам, меняющим методы и пр. Это и еще соединение капитализма с государственным социализмом, в сущности, и составляет все, что сделали авторитарные со-

циалисты, а ведь у них было уже очень много случаев показать, на что они способны. Результат, как мне кажется, был таков, что чем больше было у них возможностей, тем меньше они были в состоянии использовать их. Их первые вожди были выдающимися писателями с большим числом последователей. В качестве теоретиков они редко наталкивались на препятствия для полного выражения своей мысли. Наиболее значительным исключением были русские писатели и прежде всех — Чернышевский, так жестоко принужденный к молчанию в расцвете своих сил. Позднее эти авторитарные теоретики стали профессорами, парламентскими деятелями, журналистами, вождями рабочих, к ним прислушивались и некоторым даже повиновались широкие круги населения. Еще позднее, в наши дни, они становились министрами, высшими чиновниками, создавали правительства и направляли политику целых стран, у них даже есть своя собственная огромная Русско-Сибирская Империя. Но вся эта деятельность как будто показывает, что их социализм не есть настоящий социализм и что он только дает народу государственное ярмо вместо капиталистического ярма. Все это не есть социализм.

Рядом со всем этим появились анархические мыслители и бунтари, начиная от Вильяма Годвина, но не в таком большом числе, как авторитарные писатели. Если исключить Прудона, в течение многих лет влиявшего на французское общественное мнение, то все остальные анархисты создавали свои произведения в борьбе с большими внешними препятствиями. Только немногие прислушивались к ним, и они редко пользовались при жизни международной известностью, как, например, Джошуа Уоррен, американец, который тогда был известен только в своей стране и в узких кругах Англии. Макс Штирнер был не известен за пределами Германии, Кердериуа и Дежак были известны только во Франции да еще некоторым изгнанникам 50-х и 60-х годов и т.п.

Позднее, в 1864 году, Международное Общество Рабочих впервые создало объединение более значительных групп рабочих и социалистов нескольких стран, возбудило их чувства солидарности, подняло их реформистские и революционные надежды и стало распространять некоторые простые социалистические истины, вроде идеи коллективной собственности на землю и средства производства. Но ни Прудоновский, ни Марксов коммунизм, ни социал-демократический государственный социализм, ни Бакунинские доктрины анархического коллективизма не получили преобладания — явное доказательство того, что никогда одна единственная доктрина не сможет вытеснить все другие.

Вместо того, чтобы понять это надлежащим образом и радоваться, что социализм создал четыре или больше учения, представляющих известную ценность, сторонники этих учений стали враждовать и ссориться между собою, ненавидеть и презирать друг друга, как если бы существовало какое-либо провидение или естественный закон, в силу которого одна разновидность социализма оказывалась правой, а все остальные неправыми. Таким образом, после того, как на четвертом конгрессе в Базеле, в 1869 г., все четыре описанные оттенка

и некоторые другие приняли участие в дружественных беседах и прениях, началась война за преобладание и упорная самозащита. В сентябре 1872 г. произошел окончательный разрыв и разделение на группы, на вечные времена (на Гаагском конгрессе). С тех пор рабочие организации, основанные для повседневной борьбы, и их многочисленные учреждения для поднятия социального уровня рабочих, тоже разделились. Делали они это по большей части под руководством авторитарных социалистов и реформистов. Исключение составляет только период в несколько лет, когда расцветал революционный синдикализм во Франции и в южных частях Испании.

Анархические идеи были чрезвычайно обстоятельно развиты Бакуниным, Дж. Гильомом, Малатестой, Кропоткиным и др., но, как я уже сказал и как я убеждаюсь все больше и больше по мере пристального изучения этих и других писателей, их идеи отразили их индивидуальность и окружающую среду и, таким образом, они ценны, как отражение своего времени, они всегда будут интересны благодаря их талантливости, их исторический интерес будет в том, что они отмечают этапы развития в истории анархизма, они являются примерами хорошего изложения идей и т.д. Однако, наше время должно было бы иметь свои собственные произведения равной ценности, а между тем оно их не имеет, и было бы самообманом думать, что превосходные, но старые произведения, могут удовлетворять и теперь. Трудно будет их заменить, но это должно быть сделано: ибо как можем мы ожидать, что сумеем осуществлять идеи, раз мы даже не упражняем свой ум путем попыток дать ему действительно современное выражение в нашей мысли?

Так много событий произошло за эти пятьдесят или шестьдесят лет, после той эпохи, когда ожидалось общее революционное восстание рабочих масс, когда эти массы так жадно стремились познать и принять социализм, когда были еще молодыми и шумными борцами все те, кто с тех пор стали мало подвижными реформистскими вождями. Социальная эволюция за это время не шла быстрыми и бурными скачками, как мы это знаем теперь, не было быстрых и широких революционных перемен, а происходившие перемены совершались под непрерывным давлением повседневной борьбы рабочих, сопровождавшейся постоянной социальной критикой и напряженным изучением общественных вопросов, реформами всех степеней, качеств и значения. Все это вместе взятое глубоко изменяло настроение рабочих. Кроме того, широкие другие слои населения были вовлечены в борьбу за улучшение жизни и социальную самозащиту — крестьяне и фермеры, затем мелкие производители в тех странах, где они еще удержались в борьбе против крупных капиталистов, затем национальные группы, малые и большие государства, как единицы с общими интересами, против всех других государств, затем значительные части наименее зажиточных членов профессиональных и технических классов, а еще позднее — даже далекие народы других рас и континентов, которые еще не так давно рассматривались только, как обязательные потребители

европейских и американских товаров, которые теперь претендуют на то, чтобы иметь свою собственную умственную, промышленную и национальную независимую жизнь. Куда мы ни посмотрим, повсюду в мире встают особые, местные проблемы, умело и усердно исследуемые. Вокруг этих проблем группируются массы живых и деятельных людей за или против предложенных решений. Перед лицом этой сложности современной жизни обычная форма изложения анархизма путем резких выступлений, отвлеченной критики, подчеркнута революционных программ, является упрощенной, отвлеченной, остается по большей части бесплодной.

Совершенно так же прислушиваются люди к воскресным церковным проповедям, не оказывающим никакого влияния на бурную современную жизнь в остальные дни недели.

Мир прислушивался иногда к тому, что говорил Толстой, во многих кругах с симпатией относились также к позднейшим учениям Кропоткина о взаимопомощи и этике, все вообще с уважением относились к Реклю, на анархистов-мучеников последних двадцати лет XIX века смотрели с глубоким интересом, иногда с почтительным удивлением, как на святых. Все это прошло и, за исключением трагедии Сакко и Ванцетти, осталось очень мало в наше время такого, что напоминало бы о прошлом. Перед публикой теперь масса других разнообразных вопросов — большевизм, безработица, финансовый кризис, вопросы разоружения, национальный вопрос, тяжелое положение в промышленности и земледелии во многих европейских странах, России, Китае, Индии и Индокитае, а также другие вопросы, глубоко затрагивающие быт населения, поставленный под угрозу уровень жизни, их надежды и стремления, поглощающие внимание всех активных людей.

Снова подчеркиваю: для того, чтобы нас слушали, несмотря на наличие всех этих жгучих вопросов, к которым постоянно приковывают общественное внимание активные общественные организации и печать, мы должны говорить голосом, который не шел бы из далеких, призрачных стран, а от живых людей во плоти и крови, от людей нашего времени. А у нас будет так много, что сказать, если мы только захотим!

Во всем, что теперь делается, проявляется грубость, жестокость, заскорузлость, безучастие к слабым и побежденным, ненасытное честолюбие и бессердечная механизация, подчинение всего сильнейшему эгоистическому интересу. Происходит поистине ужасная растрата сил, приносящая все накопленное ранее и производимое человечеством теперь — в жертву Молоху Власти и Прибыли. Всех и все подгоняют, истощают и выбрасывают вон. Подготавливается обнищание грядущего человечества, которое найдет пустые шахты, истощенную почву, исчезнувшие леса, без животных и растительности, найдет людей с расшатанными нервами, механизированные, стандартизированные мозги, истощенные заботой и принудительной конкуренцией.

Нынешний финансовый кризис в Соед. Штатах дает некоторое предвкусие-

ние грядущих зол даже богатой Америке. В Европе же целые страны ведут такую собачью жизнь годами, без всякой надежды впереди. Если всё это приведет к вспышкам социального возмущения, то заранее можно сказать, что они будут носить характер авторитарный, диктаторский, мстительный и что к голосу и совету свободы не станут прислушиваться. Однако этот голос, если он будет соединен с гуманитарным духом, живущим в лучших представителях человечества, все-таки привлечет к себе внимание, если, повторяю это в последний раз, он будет соединен с практической либертарной помощью, а не будет идти с облаков, точно предупреждение и порицание, возвещааемые ангелами.

Мы не можем осудить современное человечество и смотреть на его гибель с удовлетворением в ожидании своей очереди, — ибо мы с ним неразрывно связаны. Дело человечества — наше собственное дело. В более здоровые времена мы сами были бы сильнее, но в нынешний век мы тоже глубоко испытываем чувство угнетенности и должны помочь создать, прежде всего, здоровую атмосферу. Эпидемия всех валит с ног, жить в отравленном воздухе никто не может. Мы должны были бы первыми видеть причиняемый вред и первыми приходить на помощь — тогда мы можем оказаться в числе первых, кого будут уважать и слушать.

Вопрос о том, является ли социализм (и, следовательно, анархизм, который представляет собой самое свободное и полное понимание социализма) делом рабочего класса или делом всего человечества, все еще обсуждается, как если бы могло быть сомнение относительно ответа на этот вопрос. Прогресс здесь, впрочем, есть в смысле оценки положения и возврата от узости к реализму. Судьба человечества следует за эволюцией ее наиболее прогрессивной части, а успех этой части объясняется благоприятными условиями, в которых передовые элементы вырастают и живут. Таким же благоприятным условиям люди обязаны своим тонко развитым чувством солидарности, прямотой своего характера, своим духом протеста, своей физической приспособленностью, возможностью встречаться с друзьями и группами людей с хорошими склонностями. В других, менее благоприятных условиях, смесь социализма с духом протеста создает жесткие, авторитарные чувства, ведущие к появлению фанатиков. Настоящий прогресс создается тесным сотрудничеством наиболее развитых элементов, устраняющих фанатиков и несознательных и старающихся подняться на более высокий уровень. Все это не может быть классовым делом, а является чисто человеческим делом.

Классовые интересы, напротив, требуют сотрудничества наилучше развитых с менее и мало развитыми для немедленных результатов. Такое сотрудничество несомненно оказывает возвышающее влияние на менее развитых, но это не должно исключать сотрудничества лучших элементов человечества, безотносительно к классу. Оба типа сотрудничества поэтому необходимы для прогресса, и было бы большим вредом для настоящего социализма сужать его

до рабочего вопроса.

Это заставило отвергнуть от социализма такого типа всех крестьян, это отняло у социализма его универсальную гуманитарную миссию и принудило его к попыткам навязать свою волю путем диктатуры. Анархисты, со своей стороны, позволили себе разделить на сторонников различных экономических гипотез, за исключением короткого периода в Испании в конце 80-х годов, когда гипотетический характер экономических теорий был открыто признан и анархизм без эпитета был признан наиболее правильным выражением идей каталонских анархистов тех лет, как Таррида дель Мармоль, Антонио Пеллиар Парейра, Жуан Монтсени и другие. Такие мысли высказывали также Вольтерина де-Клэйр, Густав Ландауэр, а также и я сам, но таких было немного. Теперь настали времена большей зрелости, чем тогда, но эти идеи все еще непопулярны среди товарищей, и то, что для одних является гипотезой, или выражением желания, — для других является символом веры, неизменным фактом, стоящим выше и вне спора. Никто не должен считать, что его симпатии к тем или иным экономическим теориям подвергаются нападению со стороны этого экономического агностицизма, но никто также не должен считать, что он один обладает настоящим экономическим определением анархизма, пока все эти теории не были испытаны на опыте. Мы также не знаем, какая из этих теорий привлечет к себе анархистов в будущем. Они будут действовать, согласно фактам и общему положению, а не согласно нашим теперешним мнениям, совершенно так же, как и мы не хотим, чтобы нами руководили взгляды прошлых поколений.

Сделанными выше замечаниями я ни в малейшей степени не покушаюсь уменьшить ценность нынешней работы пропагандистов. Я только хочу выразить сожаление, что неизменный и узкий характер традиционных взглядов все более и более уменьшает достигаемые ими результаты, по мере того, как вдаль уходит то время, когда эти взгляды складывались. Если в то время эти взгляды были наилучшими, то они не могут быть одинаково хороши для нынешних и грядущих времен, — разве лишь если они представляют собой величайшие обобщения и очень отдаленные абстракции. Сверх того, после многих лет опыта мы знаем, как медленно эта пропаганда прогрессирует. Через 10, 20, 50 лет мы все еще не далеко уйдем. Мы двигаемся медленно, а современные события и ход развития идут очень быстро. Так что, или нас будут все более обгонять, или мы должны научиться, как достигать более глубоких, широких, разнообразных и прочных результатов. Выдающиеся анархисты прошлого сделали все, что могли для своего времени, а также для нас, живущих в их тени. Теперь уже нам самим надлежит выработать те идеи, которых требует современность.

В XIX веке были периоды либерализма и очень малого интереса к государству, потом на первый план выступил социализм, солидарность. В XX веке социализм не отвергают так решительно, как в XIX, но государство все более

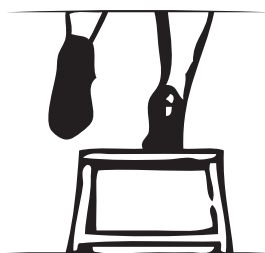
покушается на личную и общественную свободу: отсюда анархизм, уважение и любовь к свободе должны стать главными целями пропаганды. Нет конца требованиям, предъявляемым каждым новым днем и новыми положениями, и мы это должны иметь в виду. После того, как я сказал, что мы должны приспособляться к переменам в современном положении, некоторые из тех, кто гордится неизменностью своих идей, могут подумать, что я предлагаю реформистское или ревизионистское сужение наших идей. На самом деле я предлагаю как раз обратное: их расширение, модернизацию, я настаиваю на том, что мы должны усилить и умножить нашу деятельность, так как теперешние наши успехи совершенно недостаточны и заставляют нас определенно отставать и плестись позади.

В этом духе я стараюсь усилить деятельность товарищей, читающих то, что я пишу или переводы того, что я пишу, на немецкий, еврейский, испанский, иногда также на итальянский язык. Пусть же русские товарищи рассмотрят поставленные мною вопросы и скажут свое мнение, пусть работают в предложенном направлении или же выступят со своими возражениями.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

25 июля 2014

Макс Неттлау

Нужды анархической пропаганды в наши дни

1930

Сохранено 19 июля 2014 года из <http://spb-anarchists.anho.org/nettlau02-12.htm>